

В. И. Ленин перед отъездом с парада войск Всеобщей на Красной площади 25 мая 1919 г. Кинокадр (архив ИМД)

Встречи с Ильичем

НА МОЮ долю выпало большое счастье не только видеть и слышать Владимира Ильича, но и бывать у него, беседовать с ним.

В первый раз я увидел Владимира Ильича на площади Финляндского вокзала в день его приезда из эмиграции и слышал его знаменную речь с броневика.

Много раз и изобреяла Ильича на митингах и собраниях, и всякий раз речи Ильича были для нас практической, повседневной школой революционной борьбы и программой действий.

В июле—августе 1918 года мне довелось несколько раз быть у Ленина. Началась это оттого, что один из партийных руководителей нашего Выборгского района товарищ Бакаров, возвращаясь со своей родины — Симбирской губернией, зашел к Владимиру Ильичу и рассказал ему, как кулаки в деревне организуют крестьян против Советской власти. Внимательно слушал его Ильич, а затем вручил ему письмо. Это было знаменитое обращение Ленина к питерским рабочим — призыв ехать в деревню, чтобы помочь бедным взять у кулачков хлеб, в котором тогда нуждались Красная Армия и трудящиеся молодой республики.

Когда зачитали письмо Ильича на районном партийном активе, все присутствующие тут же изъявили желание ехать по зову Ленина в деревню. Я попал в первый отряд из Выборгского района. В него вошли председатель исполнительного комитета района Совета Бакаров, члены исполнкома — Чугурина, Горянко и другие.

Во второй половине июля мы приехали в Москву. Владимир Ильич и Свердлов рассказали нам, что предстоит делать в деревне, предупредили о больших трудностях и опасностях, которые ждут нас в борьбе с кулачеством.

Мы просили, чтобы нам прислали какое-то количество товаров первой необходимости (спички, соль, керосин) для встречного обмена на хлеб. Наркомпруд было дано указание о выделении этих товаров, и тут же Владимир Ильич предложил одному из нас проследить за отгрузкой. Решили оставить для этой цели меня. Владимир Ильич отдельно поговорил со мной, посоветовал, как надо следить за работниками Наркомпруда, дал мне свой телефон и предложил звонить ему, если отгрузка задержится.

Два дня я пытались сам воздействовать на Наркомпруд, но на третий день вынужден был позвонить Ильичу. Владимир Ильич спросил, могу ли я прийти к нему сейчас же. Через несколько минут я вошел в комитет секретариата Совета Труда. Меня встретила Фотиева и сказала, что Ильич ждет меня. Мне пришлось откровенно сознаться, что без помощи Ленина я ничего не добился.

— Кто занимается этим делом в Наркомпруде? — спросил Ильич. Я ответил: член коллегии товарищ Малютин.

Прине мне же состоялся телефонный разговор с Владимиром Ильичем с Малютиным. Он спросил его, почему до сих пор не отгружено товар в Казань, почему Наркомпруд волны? Не знаю, что отвечал Малютин, видно, разговаривался, так как Владимир Ильич заметил: — Мне это горячо интересует.

Окончив разговор, Владимир Ильич сказал мне: — Теперь должны отгружать.

Завтра позвоните мне.

Когда я вошел к Малютину, он обратился ко мне с укором: наказалась же.

На следующий день товары были отгружены, о чем я доложил Ленину.

В Казань я приехал в последние дни июня. Наш отряд еще никуда не выехал: все уточняли планы нашей деятельности. Так продолжалось несколько дней. А вскоре загремели пушки, засвищали снаряды: на Казань наступали белогвардейские полки. Наш отряд в первом составе явился в распоряжение губернатора партии и был разбит по группам для поддержания порядка в городе. Покидали мы Казань из разных районов города, в разное время. В группе, в которой находился я, было 6 человек. С отступающими из Казани зверски расправлялись банды темных, невежественных людей, организованных муллами и кулачками. Такая расправа была учинена и над нашей группой в первых в 40 от Казани. Разлетелись, окровавленные, боязливые мы 130 верст до Парсековки (ныне Пашкар-Ола) и к радости своей в штабе 5-й армии встретили большинство наших рабочих, тем более на большинстве с Выборгской стороны.

Последний раз я был у Владимира Ильича 22 августа. Он обстоятельно рассказал, как напали на нас кулаки, не заметил ли я, кто возглавлял эту банду и как вел себя вожак? А потом спросил, а был ли кто-либо, кто в чем-нибудь нам помог? И рассказал ему о том, как один крестьянин, стоявший в палисаднике, показал нам, куда следует бежать, и тем спас нас. Ильич заметил: — Вот видите, и в этот деревне есть сочувствующие Советской власти, а кулачкам надо непременно наказать. — И просил меня по возвращении на место решить вместе с Ладыженским, как это сделать. Ильич тут же спросил: — У вас есть наше удостоверение у меня нет. Он вызвал Фотиеву, пролистал ее текст удостоверения и сказал: — Оставьте место,

здесь мы осудили создавшуюся положение и решили послать в Москву своих представителей, чтобы доложить Владимиру Ильичу о всех событиях, связанных со сдачей Казани. Отправили в Москву Чугурина и меня. В Москву мы приехали 18 августа, и я сразу же с Казанского вокзала позвонил Ильичу. Он спросил, где мы находимся и сможем ли сейчас же приехать.

Когда мы вошли в кабинет, Ленин пошел нам навстречу и, увидев мою израненную голову, спросил, что со мной случилось. Я коротко рассказал.

— Вот кулачи и предполагали вам первый урок своего отношения к представителям Советской власти, — сказал Ильич с оттенком сочувственной шутки.

Сели мы на лавку рядом с Ильичем и стали все рассказывать. В ходе беседы Ильич задавал вопросы, уточнял наши ответы. Расспрашивал, кто же по нашему мнению: виноват во всем прошедшем — в том, что не удержали Казань. Спрашивал об отношении крестьянства к Советской власти. В этой связи я рассказал ему о том, что на Волге около самого моста, то есть под носом у штаба 5-й армии, стоит один из лучших волжских пароходов, его захватили анархисты, эти молодчики каждое утро снаряжали свой отряд (они были хорошо одеты — в полушубки, хорошие спальни, за плечами карабины) в ближайшие деревни, где отбирали у крестьян хлеб, муку, крупу, мед и другие продукты. Брестянне не делали разницы между большевиками и анархистами. Отбирали продукты анархисты с крестьяне считали — красные грабят. Ильич сделал какие-то записи в свой блокнот, а потом во время одной из последующих бесед сказал, что получил сообщение о ликвидации этой банды анархистов.

Со дня приезда, с 18 августа и по 22, я ежедневно бывал у Ильича, а Чугурина уехал в Сормово. Владимир Ильич очень тепло и задушевно вел беседу и удивительно внимательно слушал. Он умел направлять беседу так, что не оставалось ни одного вопроса, на который не могла ответить даже для лишних и прайдных разговоров.

Во время одной беседы я показал Ильичу удостоверение, которое дал мне председатель ЧК по борьбе с контрреволюцией Ладыгин (партийная клиника «Дядя»). В удостоверении было написано: «Попову разрешается арестовывать всех подозрительных лиц, и также конфисковывать и разграблять имущество по своему усмотрению». Передавая это удостоверение, я замечал, что с таким удостоверением

можно много хлопот нанести, и высказал сомнение, что ли дают такие широкие полномочия.

Ильич Ильич сказал: — Да, с таким удостоверением можно много наладить, — и спросил, а кому Дядя дал такие широкие полномочия?

Члены Казанской группы наше удостоверение имели у шести товарищей из нашего отряда. Тогда Ильич и говорит, что Дядя сделал правильно. Весь ЧК одна не справляется с контролевольцами — она должна на кого-то опираться, на кого же ей опираться, если не на питерских рабочих, тем более на большевиков с Выборгской стороны.

Последний раз я был у Владимира Ильича 22 августа. Он обстоятельно рассказал, как напали на нас кулачки, не заметил ли я, кто возглавлял эту банду и как вел себя вожак? А потом спросил, а был ли кто-либо, кто в чем-нибудь нам помог?

Ильич заметил: — Вот видите, и в этот деревне есть сочувствующие Советской власти, а кулачкам надо непременно наказать. — И просил меня по возвращении на место решить вместе с Ладыженским, как это сделать. Ильич тут же спросил: — У вас есть наше удостоверение у меня нет. Он вызвал Фотиеву, пролистал ее текст удостоверения и сказал: — Оставьте место,

и

ПОПОВ

—

члены Казанской группы наше удостоверение имели у шести товарищей из нашего отряда. Тогда Ильич и говорит, что Дядя сделал правильно. Весь ЧК одна не справляется с контролевольцами — она должна на кого-то опираться, на кого же ей опираться, если не на питерских рабочих, тем более на большевиков с Выборгской стороны.

Последний раз я был у Владимира Ильича 22 августа. Он обстоятельно рассказал, как напали на нас кулачки, не заметил ли я, кто возглавлял эту банду и как вел себя вожак? А потом спросил, а был ли кто-либо, кто в чем-нибудь нам помог?

Ильич заметил: — Вот видите, и в этот деревне есть сочувствующие Советской власти, а кулачкам надо непременно наказать. — И просил меня по возвращении на место решить вместе с Ладыженским, как это сделать. Ильич тут же спросил: — У вас есть наше удостоверение у меня нет. Он вызвал Фотиеву, пролистал ее текст удостоверения и сказал: — Оставьте место,

и

ПОПОВ

—

и

ПОПОВ

—

члены Казанской группы наше удостоверение имели у шести товарищей из нашего отряда. Тогда Ильич и говорит, что Дядя сделал правильно. Весь ЧК одна не справляется с контролевольцами — она должна на кого-то опираться, на кого же ей опираться, если не на питерских рабочих, тем более на большевиков с Выборгской стороны.

Последний раз я был у Владимира Ильича 22 августа. Он обстоятельно рассказал, как напали на нас кулачки, не заметил ли я, кто возглавлял эту банду и как вел себя вожак? А потом спросил, а был ли кто-либо, кто в чем-нибудь нам помог?

Ильич заметил: — Вот видите, и в этот деревне есть сочувствующие Советской власти, а кулачкам надо непременно наказать. — И просил меня по возвращении на место решить вместе с Ладыженским, как это сделать. Ильич тут же спросил: — У вас есть наше удостоверение у меня нет. Он вызвал Фотиеву, пролистал ее текст удостоверения и сказал: — Оставьте место,

и

ПОПОВ

—

члены Казанской группы наше удостоверение имели у шести товарищей из нашего отряда. Тогда Ильич и говорит, что Дядя сделал правильно. Весь ЧК одна не справляется с контролевольцами — она должна на кого-то опираться, на кого же ей опираться, если не на питерских рабочих, тем более на большевиков с Выборгской стороны.

Последний раз я был у Владимира Ильича 22 августа. Он обстоятельно рассказал, как напали на нас кулачки, не заметил ли я, кто возглавлял эту банду и как вел себя вожак? А потом спросил, а был ли кто-либо, кто в чем-нибудь нам помог?

Ильич заметил: — Вот видите, и в этот деревне есть сочувствующие Советской власти, а кулачкам надо непременно наказать. — И просил меня по возвращении на место решить вместе с Ладыженским, как это сделать. Ильич тут же спросил: — У вас есть наше удостоверение у меня нет. Он вызвал Фотиеву, пролистал ее текст удостоверения и сказал: — Оставьте место,

и

ПОПОВ

—

члены Казанской группы наше удостоверение имели у шести товарищей из нашего отряда. Тогда Ильич и говорит, что Дядя сделал правильно. Весь ЧК одна не справляется с контролевольцами — она должна на кого-то опираться, на кого же ей опираться, если не на питерских рабочих, тем более на большевиков с Выборгской стороны.

Последний раз я был у Владимира Ильича 22 августа. Он обстоятельно рассказал, как напали на нас кулачки, не заметил ли я, кто возглавлял эту банду и как вел себя вожак? А потом спросил, а был ли кто-либо, кто в чем-нибудь нам помог?

Ильич заметил: — Вот видите, и в этот деревне есть сочувствующие Советской власти, а кулачкам надо непременно наказать. — И просил меня по возвращении на место решить вместе с Ладыженским, как это сделать. Ильич тут же спросил: — У вас есть наше удостоверение у меня нет. Он вызвал Фотиеву, пролистал ее текст удостоверения и сказал: — Оставьте место,

и

ПОПОВ

—

члены Казанской группы наше удостоверение имели у шести товарищей из нашего отряда. Тогда Ильич и говорит, что Дядя сделал правильно. Весь ЧК одна не справляется с контролевольцами — она должна на кого-то опираться, на кого же ей опираться, если не на питерских рабочих, тем более на большевиков с Выборгской стороны.

Последний раз я был у Владимира Ильича 22 августа. Он обстоятельно рассказал, как напали на нас кулачки, не заметил ли я, кто возглавлял эту банду и как вел себя вожак? А потом спросил, а был ли кто-либо, кто в чем-нибудь нам помог?

Ильич заметил: — Вот видите, и в этот деревне есть сочувствующие Советской власти, а кулачкам надо непременно наказать. — И просил меня по возвращении на место решить вместе с Ладыженским, как это сделать. Ильич тут же спросил: — У вас есть наше удостоверение у меня нет. Он вызвал Фотиеву, пролистал ее текст удостоверения и сказал: — Оставьте место,

и

ПОПОВ

—

члены Казанской группы наше удостоверение имели у шести товарищей из нашего отряда. Тогда Ильич и говорит, что Дядя сделал правильно. Весь ЧК одна не справляется с контролевольцами — она должна на кого-то опираться, на кого же ей опираться, если не на питерских рабочих, тем более на большевиков с Выборгской стороны.

Последний раз я был у Владимира Ильича 22 августа. Он обстоятельно рассказал, как напали на нас кулачки, не заметил ли я, кто возглавлял эту банду и как вел себя вожак? А потом спросил, а был ли кто-либо, кто в чем-нибудь нам помог?

Ильич заметил: — Вот видите, и в этот деревне есть сочувствующие Советской власти, а кулачкам надо непременно наказать. — И просил меня по возвращении на место решить вместе с Ладыженским, как это сделать. Ильич тут же спросил: — У вас есть наше удостоверение у меня нет. Он вызвал Фотиеву, пролистал ее текст удостоверения и сказал: — Оставьте место,

и

ПОПОВ

—

члены Казанской группы наше удостоверение имели у шести товарищей из нашего отряда. Тогда Ильич и говорит, что Дядя сделал правильно. Весь ЧК одна не справляется с контролевольцами — она должна на кого-то опираться, на кого же ей опираться, если не на питерских рабочих, тем более на большевиков с Выборгской стороны.

Последний раз я был у Владимира Ильича 22 августа. Он обстоятельно рассказал, как напали на нас кулачки, не заметил ли я, кто возглавлял эту банду и как вел себя вожак? А потом спросил, а был ли кто-либо, кто в чем-нибудь нам помог?

Ильич заметил: — Вот видите, и в этот деревне есть сочувствующие Советской власти, а кулачкам надо непременно наказать. — И просил меня по возвращении на место решить вместе с Ладыженским, как это сделать. Ильич тут же спросил: — У вас есть наше удостоверение у меня нет. Он вызвал Фотиеву, пролистал ее текст удостоверения и сказал: — Оставьте место,

и

ПОПОВ

—

члены Казанской группы наше удостоверение имели у шести товарищей из нашего отряда. Тогда Ильич и говорит, что Дядя сделал правильно

Спор на баскетболе

**Жажда
счастья**

...И в СОКРОВЕННОЙ беседе с друзьями, и когда вчитываясь в материалы партийных плакатов или думаешь о новом большом постановлении по вопросам партийной пропаганды, и когда молчаливые с бригадами коммунистического труда или стремящиеся уловить главное в почете, приходящих в наш украинский «Перец», когда вникаешь во все то, что ты слышал на собраниях, в поездках, в поле, в цехе, в вагоне, на улице или рынке, — везде это ощущаешь: есть час большого морального наступления...

Мы пришли к этому всей громадой совершенных дел, долгой дорогой упорного созиания, стойкостью недрогнувшего авангарда и мужеством миллинов. Тяжести неслыханных войн, трудности пятилеток, испытания неожиданных дорог открывали и шлифовали те нравственные качества, моральные критерии, душевные богатства, которые могут и должны теперь окончательно взять верх в сложной и многогранной борьбе за новый духовный облик человека, стать неоспоримой, естественной нормой поведения для всех. Не хотим сегодня уступать, чем дальше, тем больше — не прощаем сегодня и близких, и дальних сограждан тем пороков, несовершенств, слабостей — перекинут и ухищренным эгоизмом, паразитизма, собственнического синтаксиса, которые так долго были извечными спутниками «человеческой натуры». Время других спутников — разум и сердца!

Любому из нас стоит, право, лучше присмотреться к тому, как у Первого секретаря ЦК от выступления к выступлению все нарастают и нарастают ни с чем не сравнимая увлеченность людьми. Давайте вспомним, как делился Никита Сергеевич еще на приеме советских журналистов в Кремле своим ощущением близкой победы тружеников Рязани: «...посмотрите кругом и думашь, откуда все берется, откуда находятся такие огромные возможности!.. И так обстоит дело не только Рязани!.. Всюду на нас смотрят люди, кто-то необыкновенно и свершает свои трудовые подвиги, вносит свой вклад в строительство коммунизма!.. Люди находят необыкновенное...

И как же чуток, внимательный был и необыкновенным делам «объявленных» советских людей недавно декабрьский Пленум Центрального Комитета партии! Еще выше поднята честь и достоинство наших «высоких наций», без которых были бы мертвые самые тщательные подсчеты любых материальных резервов...

«...Недаром говорят — землю украшают люди!.. Только смелье, дерзновенные люди могут идти вперед и вести других за собой!.. — вот что произывает всю речь Хрущева на Пленуме.

«Люди у нас везде хорошие... надо только уметь поднять и организовать их на большие дела!.. — убежденно говорит он и призывают всех проявлять смелость и ум, знания. «Молодцы, рязанцы! Главное, что смело вились, а к смелости ум прислали!..»

Не простота перечисление имен «некоторых передовиков» находим мы в речи Первого секретаря ЦК, а глубокие характеристики новых людей, с живым интересом подмеченные черточки «людской скромности». «Выступает, не шарграчку читает», «останавливает свою чистую речь», — как много заключают эти несколько слов о Чижке, и дела и речь которого позволили в конце концов заключить: «Фамилия у него Чиж, а по-другому, как у орала!.. Или с таким же

уважением, радостью за человека — об Акуновой: «Смотришь на нее и думаешь, какая она хрупкая на вид, но какая энергичная, настойчивая. С какой уверенностью она взглянула на машину, не испугалась, изучила ее!..

Потому такая молодая женщина работает одна за сто!..» Или об одном из ора-

торов: «к недостаткам непримирим, а это очень хорошее качество!.. А о тех руководителях, которые не могут увлечь за собой людей, так как сами им горят: «Если он сам, как лыдьши, то никого не согреет, а только будет замораживать других!.. И сурое предупреждение тем, кто стремится отмахнуться от критики: не понимающий критики «не понимает существа дела!..

Какой же вывод из всей этой рассказов метких характеристики, неизгладимых аргументов, а затем и знаменательных наград передовикам?

Люди, кадры, их знания, их воля, их организаторское умение, их идейная зрелость, их моральные качества, их стремление к соревнованию — об этом прежде всего надо помнить, если искать «резерв № 1», этот всегда заглавный резерв общества, идущего к коммунизму, резерв, который потащил за собой все...

Может быть, это уже всем настолько ясно, что и повторять столь неопределенную истину, собственно говоря, не требуется?

Нет, за невнимание к истинному «резерву № 1» мы еще расплачиваемся подчас дорожной ценой (и в жизни, и в литературе расплачиваются!). Разве в любом районе, в любом селе уже расчистили дорогу своих Чижиков, воспитали своих Гиталовых? Разве каждый колхоз уже имеет «по хорошему фану» (председатель колхоза из Орловской области, о котором говорилось на Пленуме ЦК) или по своему Письмитному? Мы еще не добились действительно всесобщего и быстрого равнения на лучшие образцы, и еще далеко не на всех однажды сильно действует великая сила примера. И зависть, и низость, и обман еще подчас цепко хотят «сосуществовать» с героизмом. И сколько пока встречаешь любителей благородного серединства, высмеянного еще Шварцем: мы хоть не развиваемся, но и не завираемся. Нам вперед лезть незачем!.. Нас подчас, что называется, без ножа режут механический подход к людям, равнодушные к искрам таланта, неуважение к серьезным знаниям, перекинут самодурство на «тигров»... И наивная вера в силу бумаги, и привычка к «мероприятиям», при которых бездна времени затрачивается на то, чтобы запроектировать и тонны навоза, и гектары пахоты, и желанные урожаи, и вагоны мяса, и увы, подчас совсем не остается времени, чтобы подумать, какой же агроном, зоотехник доведет до ума, связав на реальной земле в реальный комплекс в толковую систему все «мероприятия», и есть ли ему где жить в колхозе, и не спаиваются ли его, не превращают ли в выпивака в деревне живущие любители дутых цифр и фальшивых рапортов?..

Вот почему, мне кажется, вслед за таким плодотворным Пленумом ЦК всем коммунистам, партийным и беспартийным, и конечно же, ко всем литераторам, увлеченным народным соревнованием, должна прийти жажды отмечено жаркой схватки за «резерв № 1».

Будь, углублять интерес к людям, делать еще привлекательнее, неотразимое, доступное силу примера смелых, честных и деревенских людей!

И не уставать в споре с разнообразной «психологической инерцией» про-

тив которых позволили в конце концов за-

ключить: «Фамилия у него Чиж, а по-

другому, как у орала!.. Или с таким же

уважением, радостью за человека — об Акуновой: «Смотришь на нее и думаешь, какая она хрупкая на вид, но какая энергичная, настойчивая. С какой уверенностью она взглянула на машину, не испугалась, изучила ее!..

Потому такая молодая женщина работает одна за сто!..» Или об одном из ора-

торов: «к недостаткам непримирим, а это очень

хорошее качество!.. А о тех руководителях, которые не могут увлечь за собой

людей, так как сами им горят: «Если он сам, как лыдьши, то никого не согреет, а только будет замораживать других!.. И сурое предупреждение тем, кто стремится отмахнуться от критики: не понимающий критики «не понимает существа дела!..

Какой же вывод из всей этой рассказов метких характеристики, неизгладимых аргументов, а затем и знаменательных наград передовикам?

Люди, кадры, их знания, их воля, их организаторское умение, их идейная зрелость, их моральные качества, их стремление к соревнованию — об этом прежде всего надо помнить, если искать «резерв № 1», этот всегда заглавный резерв общества, идущего к коммунизму, резерв, который потащил за собой все...

Может быть, это уже всем настолько ясно, что и повторять столь неопределенную истину, собственно говоря, не требуется?

Нет, за невнимание к истинному «резерву № 1» мы еще расплачиваемся подчас дорожной ценой (и в жизни, и в литературе расплачиваются!). Разве в любом районе, в любом селе уже расчистили дорогу своих Чижиков, воспитали своих Гиталовых? Разве каждый колхоз уже имеет «по хорошему фану» (председатель колхоза из Орловской области, о котором говорилось на Пленуме ЦК) или по своему Письмитному? Мы еще не добились действительно всесобщего и быстрого равнения на лучшие образцы, и еще далеко не на всех однажды сильно действует великая сила примера. И зависть, и низость, и обман еще подчас цепко хотят «сосуществовать» с героизмом. И сколько пока встречаешь любителей благородного серединства, высмеянного еще Шварцем: мы хоть не развиваемся, но и не завираемся. Нам вперед лезть незачем!.. Нас подчас, что называется, без ножа режут механический подход к людям, равнодушные к искрам таланта, неуважение к серьезным знаниям, перекинут самодурство на «тигров»... И наивная вера в силу бумаги, и привычка к «мероприятиям», при которых бездна времени затрачивается на то, чтобы запроектировать и тонны навоза, и гектары пахоты, и желанные урожаи, и вагоны мяса, и увы, подчас совсем не остается времени, чтобы подумать, какой же агроном, зоотехник доведет до ума, связав на реальной земле в реальный комплекс в толковую систему все «мероприятия», и есть ли ему где жить в колхозе, и не спаиваются ли его, не превращают ли в выпивака в деревне живущие любители дутых цифр и фальшивых рапортов?..

Вот почему, мне кажется, вслед за таким плодотворным Пленумом ЦК всем коммунистам, партийным и беспартийным, и конечно же, ко всем литераторам, увлеченным народным соревнованием, должна прийти жажды отмечено жаркой схватки за «резерв № 1».

Будь, углублять интерес к людям, делать еще привлекательнее, неотразимое, доступное силу примера смелых, честных и деревенских людей!

И не уставать в споре с разнообразной «психологической инерцией» про-

тив которых позволили в конце концов за-

ключить: «Фамилия у него Чиж, а по-

другому, как у орала!.. Или с таким же

уважением, радостью за человека — об Акуновой: «Смотришь на нее и думаешь, какая она хрупкая на вид, но какая энергичная, настойчивая. С какой уверенностью она взглянула на машину, не испугалась, изучила ее!..

Потому такая молодая женщина работает одна за сто!..» Или об одном из ора-

торов: «к недостаткам непримирим, а это очень

хорошее качество!.. А о тех руководителях, которые не могут увлечь за собой

людей, так как сами им горят: «Если он сам, как лыдьши, то никого не согреет, а только будет замораживать других!.. И сурое предупреждение тем, кто стремится отмахнуться от критики: не понимающий критики «не понимает существа дела!..

Какой же вывод из всей этой рассказов метких характеристики, неизгладимых аргументов, а затем и знаменательных наград передовикам?

Люди, кадры, их знания, их воля, их организаторское умение, их идейная зрелость, их моральные качества, их стремление к соревнованию — об этом прежде всего надо помнить, если искать «резерв № 1», этот всегда заглавный резерв общества, идущего к коммунизму, резерв, который потащил за собой все...

Может быть, это уже всем настолько ясно, что и повторять столь неопределенную истину, собственно говоря, не требуется?

Нет, за невнимание к истинному «резерву № 1» мы еще расплачиваемся подчас дорожной ценой (и в жизни, и в литературе расплачиваются!). Разве в любом районе, в любом селе уже расчистили дорогу своих Чижиков, воспитали своих Гиталовых? Разве каждый колхоз уже имеет «по хорошему фану» (председатель колхоза из Орловской области, о котором говорилось на Пленуме ЦК) или по своему Письмитному? Мы еще не добились действительно всесобщего и быстрого равнения на лучшие образцы, и еще далеко не на всех однажды сильно действует великая сила примера. И зависть, и низость, и обман еще подчас цепко хотят «сосуществовать» с героизмом. И сколько пока встречаешь любителей благородного серединства, высмеянного еще Шварцем: мы хоть не развиваемся, но и не завираемся. Нам вперед лезть незачем!.. Нас подчас, что называется, без ножа режут механический подход к людям, равнодушные к искрам таланта, неуважение к серьезным знаниям, перекинут самодурство на «тигров»... И наивная вера в силу бумаги, и привычка к «мероприятиям», при которых бездна времени затрачивается на то, чтобы запроектировать и тонны навоза, и гектары пахоты, и желанные урожаи, и вагоны мяса, и увы, подчас совсем не остается времени, чтобы подумать, какой же агроном, зоотехник доведет до ума, связав на реальной земле в реальный комплекс в толковую систему все «мероприятия», и есть ли ему где жить в колхозе, и не спаиваются ли его, не превращают ли в выпивака в деревне живущие любители дутых цифр и фальшивых рапортов?..

Вот почему, мне кажется, вслед за таким плодотворным Пленумом ЦК всем коммунистам, партийным и беспартийным, и конечно же, ко всем литераторам, увлеченным народным соревнованием, должна прийти жажды отмечено жаркой схватки за «резерв № 1».

Будь, углублять интерес к людям, делать еще привлекательнее, неотразимое, доступное силу примера смелых, честных и деревенских людей!

И не уставать в споре с разнообразной «психологической инерцией» про-

тив которых позволили в конце концов за-

ключить: «Фамилия у него Чиж, а по-

другому, как у орала!.. Или с таким же

уважением, радостью за человека — об Акуновой: «Смотришь на нее и думаешь, какая она хрупкая на вид, но какая энергичная, настойчивая. С какой уверенностью она взглянула на машину, не испугалась, изучила ее!..

Потому такая молодая женщина работает одна за сто!..» Или об одном из ора-

торов: «к недостаткам непримирим, а это очень

хорошее качество!.. А о тех руководителях, которые не могут увлечь за собой

людей, так как сами им горят: «Если он сам, как лыдьши, то никого не согреет, а только будет замораживать других!.. И сурое предупреждение тем, кто стремится отмахнуться от критики: не понимающий критики «не понимает существа дела!..

Какой же вывод из всей этой рассказов метких характеристики, неизгладимых аргументов, а затем и знаменательных наград передовикам?

Люди, кадры, их знания, их воля, их организаторское умение, их идейная зрелость, их моральные качества, их стремление к соревнованию — об этом прежде всего надо помнить, если искать «резерв № 1», этот всегда заглавный резерв общества, идущего к коммунизму, резерв, который потащил за собой все...

Может быть, это уже всем настолько ясно, что и повторять столь неопределенную истину, собственно говоря, не требуется?

Нет, за невнимание к истинному «резерву № 1» мы еще расплачиваемся подчас дорожной ценой (и в жизни, и в литературе расплачиваются!). Разве в любом районе, в любом селе уже расчистили дорогу своих Чижиков, воспитали своих Гиталовых? Разве каждый колхоз уже имеет «по хорошему фану» (председатель колхоза из Орловской области, о котором говорилось на Пленуме ЦК) или по своему Письмитному? Мы еще не добились действительно всесобщего и быстрого равнения на лучшие образцы, и еще далеко не на всех однажды сильно действует великая сила примера. И зависть, и низость, и обман еще подчас цепко хотят «сосуществовать» с героизмом. И сколько пока встречаешь любителей благородного серединства, высмеянного еще Шварцем: мы хоть не развиваемся, но и не завираемся. Нам вперед лезть незачем!.. Нас подчас, что называется, без ножа режут механический подход к людям, равнодушные к искрам таланта, неуважение к серьезным знаниям, перекинут самодурство на «тигров»... И наивная вера в силу бумаги, и привычка к «мероприятиям», при которых бездна времени затрачивается на то, чтобы запроектировать и тонны навоза, и гектары пахоты, и желанные урожаи, и вагоны мяса, и увы, подчас совсем не остается времени, чтобы подумать, какой же агроном, зоотехник доведет до ума, связав на реальной земле в реальный комплекс в толковую систему все «мероприятия», и есть ли ему где жить в колхозе, и не спаиваются ли его, не превращают ли в выпивака в деревне живущие любители дутых цифр и фальшивых рапортов?..

Вот почему, мне кажется, вслед за таким плодотворным Пленумом ЦК всем коммунистам, партийным и беспартийным, и конечно же, ко всем литераторам, увлеченным народным соревнованием, должна прийти жажды отмечено жаркой схватки за «резерв № 1».

Будь, углублять интерес к людям, делать еще привлекательнее, неотразимое, доступное силу примера смелых, честных и деревенских людей!

И не уставать в споре с разнообразной «психологической инерцией» про-

тив которых позволили в конце концов за-

</div

— МОЛОДЕЖЬ по-

шла — дрянь!

— Дрянь!

— Беда с молодым на-
шим поколением, беда! Не
нравится мне оно, прямо го-
ворю...

— Все они растут отра-
тительными эгоистами. У-
прымые, самовлюбленные и
воображают себя сверхчело-
веками.

— Что говорить — поко-
ление с червоточиной! — вто-
рит друг другу сорокалет-
ние персонажи двух послед-
них пьес Виктора Розова «В
поисках радости» и «Нерав-
ный бой». Конечно же, не
все старшины думают так.

Но вот поддакивает обра-
зистому Лапшину спеку-
лянтику Тансии. Страдальчи-
ки и сердито обличает пле-
мянника Святослава его тет-
ка Тамара, напуганная про-
стым обстоятельством, что
мальчик успел вырасти. Ле-
пит размахом свой пригово-
рить дядя Роман, привыкший
рубить спичку не только ма-
ко на своем мисокбинате.

Нет, Розов не думает стал-
кнуть поколение — в его
пьесах размежевание идет
вовсе не по линии «старшие —
младшие», а по признаку

отношения к жизни. Мещан-
ская, корыстная психология
не имеет возрастов — так же,
как и бескорыстная, высо-
кая...

Все они — Лапшин, Ро-
зов и даже Тамара оставля-
ют для молодежи одну толь-
ко подозрительность, окрик
и тощую мораль, считают
своим долгом лезть в жизнь
молодых. Требуют подчине-
ния и наверкают их душу.
Не желая или не умея
понять молодежь, они, как
Лапшин и Роман, неизвле-
дели ее за это или, как
Тамара, смертельно за нее
боются.

В лучшем случае они
недоумевают: «Вот как
все это, оказывается, серьез-
но! Я не знала, что ты так...
легкомысленный!». В худшем
— сердятся, что нельзя уда-
рить — «закон, сожалению,
не разрешает...»

Для Лапшина и Романа
юный человек «ясен — как
три копейки», да и вообще
«еще и не человек». Его пер-
вые чувства — «вольности»,
«занятия», которое надо от-
ложить «до времени», а еще
точнее — «пакости».

И что интересно: Лапшин
и Роман Заварин говорят раз-
мнукнуть, поверят, если сын
или племянник, склоняясь от
боя, скривит и на время пред-
станет перед отцом или дядей
«своими». «Котуешь?» —

— со всепонимающей, чуть ли
не ласковой улыбкой спраши-
вает Роман у Святослава.
«Гуляем понемножку?» — от-
вет ему так племянник, и
дядя наверняка похлопал бы
его по плечу, дабы ему —

по примеру Лапшина — по-
лезный мужской совет: «И не
темы себя зря, сухотка буд-
ет. Бабы, если они всерь-
ез, — сущат». Ведь непла-
ром же он только что говорил:
парни «уж на четвер-
тинку пора!».. Но в пьесе
Розова «Неравный бой» Свя-
toslav отвечает иначе.

Он не хочет лукавить, оп-
равдываться, давать объяс-
нения. Он просто спрашивает:
«Дядя Рома, а почему у вас
детей нет?» — «Тебе-то что?»

О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

— оторопев, злобно и в то же
время растерянно отвечает
Роман Тимофеевич. «А вам
что?» — снова спрашивает
его Слава.

Одна только реплика, но
вот уже высыпан централь-
ный конфликт пьесы, внесе-
на ясность в его истинную

уже взрослой жизни, кото-
рой надо будет отвечать за

нее. Каковы же эти юные
люди, которые так непре-
надают требуют уважения?
Стоят ли доверять Святославу
ключ от входной двери? Может
ли тетя Тамара спать спокойно, зная, что мальчик,
которому она заменила матер-
ь, вырос и в эту ночь ушел ку-
да-то, далеко-далеко от дома?

Думается, что это один из
самых важных вопросов пьесы
Виктора Розова. Вот и в спектакле Центрального дет-
ского театра, первым поста-
вившим «Неравный бой», этот
вопрос имеет первостепенное
значение. Казалось бы, такие
приметы юных ге-
роев этого спектакля, как
чуть-чуть подчеркнутое юно-
шеское высокомерие, напри-
женная сдержанность повад-
ки, даже одежда — должны
насторожить: уж не следет
ли причислить их к разд-
ному «стилю»? Но режиссер
Анатолий Эфрос вместе с
драматургом еще раз разве-
шают нас на старой мысли,
что о человеке не стоит суди-
ть только по его внешнему
облику.

Он распознает за этим при-
мелькавшимся, за внешним
глубокий честный внутрен-
ний мир, стремясь покончить
с недоверием к молодому че-
ловеку, который часто ка-
жется нам плюхим, когда мы
не берем на себя труд понять
его.

Вот почему мы верим сло-
вам Григория Степановича,
отца Лизы: «Я за Святослава
и уже заседает шумный
семейный совет, изыскива-
ющий средства борьбы с «па-
костью». устраивают ноч-
ные засады, готовится пуб-
личное «разоблачение». Он
не смеет еще поделовать Ли-
зу, — а ее уже обзывают
«гуляющей»... Святослава хот-
ят «вытащить»... «спасли»,
его боятся «прозревать»... — и
все это только потому, что
он впервые заявил о своих
правах на самостоятельность
решений и поступков...

Сегодня двадцать чет-
вертое августа.

Сегодня двадцать чет-
вертое августа. И я буду лю-
бить тебя всегда — ты это
знаешь, торжественно, светло
звучат слова Лизы и Свято-
слава.

Пойдут годы, наступит
зрелость. Но они не забудут
этот осенний рассвет, дала-
ки гудки электропровода, при-
видящие, запыленные горгины
под окнами длинного низкого
дома, где они выросли рядом
и полюбили друг друга. Не
забудут утро новой, теперь

и в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-
но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что
они не любят друг друга.

И в пьесе, и в спектакле
есть свои недостатки, — быть
может, они замечены, нагляд-

но, — но это не значит, что<br

«ЗА ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНИЕ»

Под этим девизом был проведен недавно в Австрии по инициативе Коммунистической партии конкурса на лучший плакат. В адрес жюри было прислано большое количество работ, «Радостно отметить», — писала по этому поводу венская газета «Фольксштимм», — что в конкурсе приняли участие некоторые молодые (равно как и ложные) художники, не являющиеся коммунистами.

Большой интерес к конкурсу побудил жюри вместо первоначально запланированных трех премий учредить пять (две первые, две вторые и третью). Две премии должны были иметь в виду авторы плакатов: четко выраженное содержание, отвечающее девизу, и безусловно художественное выполнение.

В итоге пять работ получили премии, хотя, как отмечало жюри, поощрения заслуживали гораздо большее число художников. Мы воспроизведем лишь две работы — отмеченный первой премией плакат «Желтые цветы растут в пробитой каске» и «Гнездо голубя мира в пушечном жерле» (вторая премия). Первая премия была присуждена также автору плаката «Быть или не быть? Поэтому: за всеобщее разоружение!». Это очень лаконичная, скучая в своих деталях работа: лозунг и два круга. В одном — цветы, в другом — могильные кресты.

Второй премией был отмечен также плакат «Предостегающая рука-руина». Умирающая в небо рука, сделанная из кирпичей и напоминающая собой кусок стены разбитого бомбардировкой дома, как бы програждает путь стволам орудий и воздушной снаряды.

Третья премия присуждена плакату «Атомный гриб — мертвый головой, изображающей кошмар атомной войны». В очертаниях облака ядерного взрыва выступает хищный оскал мертвых голов — символа смерти. И как бы перекрывает этот призрак, большими литерами выведен лозунг — требование всего прогрессивного человечества: «За всеобщее разоружение!».

ВО ВТОРОМ томе сочинений С. Маршака есть раздел, озаглавленный «Начало века». В нем собраны стихи о детстве и отрочестве поэта — воскремленный памятью малый мир детских игр и семейных преданий и большой мир России в преддверии революции 1905 года, большие люди этого мира — Стасов, молодой Горький, Шаляпин. Сейчас образы стихов зажили по-новому на страницах воспоминаний «В начале жизни» — первой «эпической прозы» С. Маршака.

Проза поэта — я никогда не могла понять, что стоит за этим привычным словосочетанием — поэтение к этой прозе или только синхронность к художнику, который вышел из положенных ему пределов. Более того, мне всегда казалось, что заманчивое словосочетание это живет только до тех пор, пока оно не прилагается к конкретным произведениям искусства. И оно тотчас становится каким-то неуместным, если применить его к «Капитанской дочке», «Отверженным» и «Вильгельму Мейстеру».

Проза живет по иным законам, чем стихи, она требует от художника иных способов проверки и обработки материала. Другое дело, что живущие в одном художнике поэт и прозаин взаимно контролируют друг друга. Проза, как сказал один из больших поэтов наших, тренирует стихи, если они самоуспокоились и несколько

С. Маршак, «В начале жизни». «Новый мир», № 1, 2. 1960.

Юбилей Сулеймана Рагимова

Общественность Азербайджана отмечает шестидесятилетие со дня рождения и тридцатилетие творческой деятельности известного азербайджанского писателя Сулеймана Рагимова. Правление Союза писателей СССР горячо поздравило юбиляра, поздравив его приветствием, в котором, в частности, говорится: «Начав литературную деятельность раньше тридцати лет назад, Вы явились одним из создателей азербайджанского советского романа, ставшего ныне ведущим жанром азербайджанской литературы».

Ваша книга — романы, повести и рассказы — являются художественной летописью жизни азербайджанского народа в различные этапы его развития.

Желаем Вам, дорогой Сулейман Гусейнович, здоровья, долгих лет жизни и больших творческих успехов на благо многонациональной советской литературы».

Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР установил почетное звание Народный писатель Азербайджана. Первым этого звания удостоен Сулейман Рагимов.

ПОВЕСТЬ О ДЕТСТВЕ

ожирили, а стихи учат прозу не только организовать факт, но и передать читателю ощущения художника.

Я думаю, что именно по этим знакам живут страницы воспоминаний С. Маршака.

«В начале жизни» — не совсем обычный вид автобиографии. Характер «героя», особенно в воспоминаниях о первых годах детства, намечает чуть-чуть, обрисован, на наши взгляд, даже слишком скучными чертами.

Тот, кто любит творчество С. Маршака, чувствует «движущие силы» его стихов, лица изредка улыбаются, открывая в эпизодах детства «ростки будущего».

Вот герой воспоминаний, еще не умеющий и говорить толком, впервые слышит музыку — игру военного оркестра в городском саду. «У меня дух захватило, когда я впервые услышал медные и серебряные голоса оркестра. Быть мир преобразился от этих мерных и властных звуков, которые вылетали из блестящих, широкогорлых, витых и гнутых труб. Ноги мои не стояли на месте, руки рубили воздух».

Мне казалось, что эта музыка никогда не обернется... Но вдруг оркестр умолк, и сад опять наполнился обычным, будничным шумом. Все вокруг потускнело — будто солнце зашло за облака. Не помни себя от волнения, я забежал по ступенькам беседки и крикнул громко — на весь городской сад:

— Музыка, играй!

В этом еще бесконечательном подчинении мерных звукам и одухотворенным воде к власти над ними, конечно же, угадывается одна из основных черт, сложившейся в дальнейшем поэтического характера С. Маршака.

Но такие эпизоды редки: основной герой воспоминаний — это время, жизнь русской провинции и столицы в 90—100-е годы.

Время вступает в автобиографические произведения по-разному. Иногда — под звон колоколов и треск ракет, как в замечательном романе И. Бехера «Процессия», который начинается с торжественной встречи «нового столетия» — 1900 года, иногда — в философской и образной осмыслиении «нового», как в «Возмездии» Блока.

На страницы воспоминаний С. Маршака время приходит с черного холма. Там где дальние, глухие — девяностые годы прошлого века — течет тихая жизнь в слободе под Воронежем, в южном городе Острогожске. Живет там большая семья мастеров-мыльоваров — талантливого самочки, горячего, щедрого душой мечтателя и неудачника. Дети растут, играют в далекие странства на заросшем бурьяном дворе, дерутся с соседскими мыльниками, учатся — сначала дома, затем в школе. По страницам воспоминаний детства длинной чередой проходят обитатели окраин Воронежа и

Острогожска, товарищи по школе, учительницы, родные и знакомые.

Горский в воспоминаниях о Коцбинском говорит, что этот «бои всем подумавший» человек был «как-то особенно близок хорошему».

«У него тонко развита эстетическая чуткость к доброму», — пишет Горский, — он любит добро любовью художника, верит в его победную силу, и в нем живет чувство гражданина, которого глубоко и всесторонне понято культурное значение, историческая стоимость добра».

Эту историческую стоимость не мог, конечно, осознать ребенок. Но зрелый художник — автор воспоминаний — уже знает, что именно воля к добру, близость к хорошему была путеводной нитью в детстве героя.

Первые театральные представления, первый журнал, полученный по подписке, первая встреча с книгой — все это было праздником, подарком жизни. Таким она осталась в памяти, таким она живет в страницах воспоминаний. И все же повествование о детстве порою бывает «спрятано» не только сам герой. Ощущение времени, современности, истории иногда теряется среди подробностей быта, мелких происшествий, городской, школьной, семейной жизни. Об опасности для художника засматривается в свое прошлое говорят в «Возмездии» Блок:

Прошло одно — идет другое. Проходит пестрый ряд картин. Не замедлит, художник: вдвое Заплатин ты за миг один Чувствительного промедления...

Дело тут даже и не в том, что в малый бездумный мир детства не вторгаются события большого мира и истории. Тем более что события эти проходят, как «тени» на стенах, и в глазах, посыпанных самим ранним годом жизни героя. В сознание маленького проникает и страшное, таинственное слово «Холдинка», и слухи о бунтах «фабричных» и студентов, и англо-бурская война, и романтически осмыслиенная история капитана французской армии Дрейфуса, несправедливо осужденного и сосланного на Черногорский остров. Демарш, совершененный маленьким французом в защиту невинного, снова притягивает для читателя будущие пути, черты характера героя.

И все же повествование становится по-настоящему собранным, когда из малого мира детства герой переходит в более широкий мир отрочества. На страницах меняется все — самый «пейзаж» (потому что действие переносится в Петербург), и окружение (потому что на сцену выходят люди огромного масштаба), и внутренняя жизнь героя (потому что «встречи» его с историей и искусством протекают уже совсем иначе, чем в детстве). Пе-

тербург воспоминаний С. Маршака многообразен. Один — это тот, куда ввел малчика старший друг, седобородый великан с детской и племянной душой — Владимир Васильевич Стасов. Это огромные залы Публичной библиотеки, Академии художеств, это квартира в Песках, где запросто склоняется Репин, Глазунов, Римский-Корсаков, где рояль, кажется, хранит еще тепло рук ушедшего из жизни Мусорского.

Второй Петербург — это школа, гимназия, гораздо более культурная, но и более скучная, более казенная, чем острогожская «бурса». Это, наконец, и митропетровские закоулки и окраины — тот Петербург, который по-разному ожидал в силах Некрасова и Блока, в «Подростке», в «Идиоте», «Преступлении и наказании».

Деревянные домики, огородчики, палисадники заставкой, крошечный мыльоваренный заводик, где работает отец, и окраины — тот Петербург, который вспоминается с той же отчтливостью, что и «киногородници, кумиры и картины» другого, стасовского мира.

А если говорить о портретах, то и мастер-мыльовар Простов, и его команда — оборванные вихрастые подростки с Горячего поля нарисованы в воспоминаниях не менее убедительно, чем самые большие деятели русской культуры.

Мне кажется, что в воссоздании облика Стасова и особенно Шаляпина и молодого Горского Маршак-прозаик обогнал Маршака-поэта. И, более того, лицо один Горский в «Кизине Климента Самгин» «обогнал» Маршака, рисуя молодого Шаляпина. Да портре, уложенные в двадцать строк — Горский и Шаляпин, должны оставить здесь хроматический примером абсолютной точной, безупречной живописи слова.

Естественно, что повество детства не по憾ало место занимает встреча с литературой, книгой. В воспоминаниях есть и общее с воспоминаниями других художников, есть и совсем свое, с наибольшей полнотой воплощенное в гимне, сложенном в честь первой из книг, где подросток открыл «дверь самой жизни, которая окружала нас, как воздух».

Книга эта была — «Воскресение» Л. Толстого. И вслед за ней сознание ребенка, художника: вдвое Заплатин ты за миг один Чувствительного промедления...

Мне кажется, что в воссоздании облика Стасова и особенно Шаляпина и молодого Горского Маршак-прозаик обогнал Маршака-поэта. И, более того, лицо один Горский в «Кизине Климента Самгин» «обогнал» Маршака, рисуя молодого Шаляпина. Да портре, уложенные в двадцать строк — Горский и Шаляпин, должны оставить здесь хроматический примером абсолютной точной, безупречной живописи слова.

Естественно, что повество детства не по憾ало место занимает встреча с литературой, книгой. В воспоминаниях есть и общее с воспоминаниями других художников, есть и совсем свое, с наибольшей полнотой воплощенное в гимне, сложенном в честь первой из книг, где подросток открыл «дверь самой жизни, которая окружала нас, как воздух».

Книга эта была — «Воскресение» Л. Толстого. И вслед за ней сознание ребенка, художника: вдвое Заплатин ты за миг один Чувствительного промедления...

Мне кажется, что в воссоздании облика Стасова и особенно Шаляпина и молодого Горского Маршак-прозаик обогнал Маршака-поэта. И, более того, лицо один Горский в «Кизине Климента Самгин» «обогнал» Маршака, рисуя молодого Шаляпина. Да портре, уложенные в двадцать строк — Горский и Шаляпин, должны оставить здесь хроматический примером абсолютной точной, безупречной живописи слова.

Естественно, что повество детства не по憾ало место занимает встреча с литературой, книгой. В воспоминаниях есть и общее с воспоминаниями других художников, есть и совсем свое, с наибольшей полнотой воплощенное в гимне, сложенном в честь первой из книг, где подросток открыл «дверь самой жизни, которая окружала нас, как воздух».

Мне кажется, что в воссоздании облика Стасова и особенно Шаляпина и молодого Горского Маршак-прозаик обогнал Маршака-поэта. И, более того, лицо один Горский в «Кизине Климента Самгин» «обогнал» Маршака, рисуя молодого Шаляпина. Да портре, уложенные в двадцать строк — Горский и Шаляпин, должны оставить здесь хроматический примером абсолютной точной, безупречной живописи слова.

Естественно, что повество детства не по憾ало место занимает встреча с литературой, книгой. В воспоминаниях есть и общее с воспоминаниями других художников, есть и совсем свое, с наибольшей полнотой воплощенное в гимне, сложенном в честь первой из книг, где подросток открыл «дверь самой жизни, которая окружала нас, как воздух».

Мне кажется, что в воссоздании облика Стасова и особенно Шаляпина и молодого Горского Маршак-прозаик обогнал Маршака-поэта. И, более того, лицо один Горский в «Кизине Климента Самгин» «обогнал» Маршака, рисуя молодого Шаляпина. Да портре, уложенные в двадцать строк — Горский и Шаляпин, должны оставить здесь хроматический примером абсолютной точной, безупречной живописи слова.

Естественно, что повество детства не по憾ало место занимает встреча с литературой, книгой. В воспоминаниях есть и общее с воспоминаниями других художников, есть и совсем свое, с наибольшей полнотой воплощенное в гимне, сложенном в честь первой из книг, где подросток открыл «дверь самой жизни, которая окружала нас, как воздух».

Мне кажется, что в воссоздании облика Стасова и особенно Шаляпина и молодого Горского Маршак-прозаик обогнал Маршака-поэта. И, более того, лицо один Горский в «Кизине Климента Самгин» «обогнал» Маршака, рисуя молодого Шаляпина. Да портре, уложенные в двадцать строк — Горский и Шаляпин, должны оставить здесь хроматический примером абсолютной точной, безупречной живописи слова.

Естественно, что повество детства не по憾ало место занимает встреча с литературой, книгой. В воспоминаниях есть и общее с воспоминаниями других художников, есть и совсем свое, с наибольшей полнотой воплощенное в гимне, сложенном в честь первой из книг, где подросток открыл «дверь самой жизни, которая окружала нас, как воздух».

Мне кажется, что в воссоздании облика Стасова и особенно Шаляпина и молодого Горского Маршак-прозаик обогнал Маршака-поэта. И, более того, лицо один Горский в «Кизине Климента Самгин» «обогнал» Маршака, рисуя молодого Шаляпина. Да портре, уложенные в двадцать строк — Горский и Шаляпин, должны оставить здесь хроматический примером абсолютной точной, безупречной живописи слова.

Естественно, что повество детства не по憾ало место занимает встреча с литературой, книгой. В воспоминаниях есть и общее с воспоминаниями других художников, есть и совсем свое, с наибольшей полнотой воплощенное в гимне, сложенном в честь первой из книг, где подросток открыл «дверь самой жизни, которая окружала нас, как воздух».

Мне кажется, что в воссоздании облика Стасова и особенно Шаляпина и молодого Горского Маршак-прозаик обогнал Маршака-поэта. И, более того, лицо один Горский в «Кизине Климента Самгин» «обогнал» Маршака, рисуя молодого Шаляпина. Да портре, уложенные в двадцать строк — Горский и Шаляпин, должны оставить здесь хроматический примером абсолютной точной, безупречной живописи слова.

Естественно, что повество детства не по憾ало место занимает встреча с литературой, книгой. В воспоминаниях есть и общее с воспоминаниями других художников, есть и совсем свое, с наибольшей полнотой воплощенное в гимне, сложенном в честь первой из книг, где подросток открыл «дверь самой жизни, которая окружала нас, как воздух».

Мне кажется, что в воссоздании облика Стасова и особенно Шаляпина и молодого Горского Маршак-прозаик обогнал Маршака-поэта. И, более того, лицо один Горский в «Кизине Климента Самгин» «обогнал» Маршака, рисуя молодого Шаляпина. Да портре, улож

ЖИТЬ И ТВОРИТЬ ДЛЯ НАРОДА

ЗАКОНЧИЛСЯ учредительный съезд композиторов Российской Федерации. Создан республиканский Союз композиторов, выбрано правление. Это, так сказать, общий организационный итог, радующий всех нас, вдохновляющий. Но есть и другая сторона, о которой мне хочется упомянуть в этих коротких заметках.

В дни съезда наименее полна и ярко проявилась отличительная черта нашего музыкального искусства — стремление быть активной силой общекультурного фронта советского народа. И в докладе А. Новикова, в речах делегатов можно было определить одну главную тему — как нам, композиторам, творить, чтобы своим трудом вследствие содействовать успехам коммунистического строительства. Ближе к народу, ближе к конкретным задачам дня, глубже, пристальное изучение жизни — вот те мысли, которые пронизывали все выступления.

Союз композиторов Российской Федерации создан. Это большое и важное событие в культурной жизни республики. И не только республики. Ведь наш союз объединяет более половины музыкальных деятелей всей страны. Следовательно, от нашей работы, от наших творческих успехов в значительной степени зависит общий рост советской музыкальной культуры. Понятно, конечно, сознавать, что на нас будут равняться другие творческие коллективы, однако мы не только должны радоваться своему высокому положению, но и совершенно отчетливо понимать ту огромную ответственность, которая ложится отныне на нашу организацию.

Достижения советских композиторов общизвестны и достаточно признаны. Но мы не можем и на секунду позвольть себе почтить на лаврах. Я бы сказал, что наши успехи — свидетельство тех огромных потенциальных возможностей, какими мы обладаем. Больше гордения, больше творческих поисков, больше активности в служении народу, — вот, мне кажется, то главное, что мы обязаны усвоить из того, что услышали в дни съезда.

Союз композиторов РСФСР — не механическое объединение. Организационное оформление нашего коллектива определяет и творческие пути. И то, что на съезде очень много, остро говорилось о необходимости борьбы с проникновением в музыку чужих нам тенденций, подтверждает принципиальную идеиную платформу нашего союза. Очень радостно, что съезд во всех своих решениях был единодушен. Значит, есть все основания утверждать, что в борьбе с вредными тенденциями мы будем так же единодушны, так же целеустремлены.

У ВСЕХ ДЕЛЕГАТОВ и гостей съезда надолго сохраниются в памяти прием в Кремле. Хорошо знакомый многим из нас Большой Кремлевский дворец. Нарядный, ослепительно сверкающий. Здесь собрались композиторы, музыканты, представители других творческих организаций. О чем говорим? О том, что так дорого каждому, о том сердечном внимании, которое уделяют нам, творческим работникам, Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство.

Первые из нас, увидевшие входящих в зал руководителей партии и правительства во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым, так громко захлопали в ладоши, что все оставшиеся на мгновенье застыли, а потом уже долго не могли остановиться.

новить свой порыв. Едва стихли овации, выразившие искренние чувства нашей любви и уважения к почетным гостям, как сразу же завязался теплый не-принужденный разговор.

Никита Сергеевич Хрущев беседует с Шапорином. Я вижу, как волнуется маэстро композитор — видимо, хочет ему выразить то, что все мы думаем, чувствуем.

Один из других композиторов провозглашает тосты. В них — выражение глубокой благодарности партии и правительству за по-вседневную заботу об искусстве.

Наконец, слово предоставляется Никите Сергеевичу. Очень радостно было видеть рядом человека, к голосу которого прислушивается весь мир. Как всегда ярко, образно, с юмором он рассказывал о поездке во Францию, говорил о задачах советских композиторов.

Я слушал и думал: где, кроме как у нас, возможно, чтобы руководители страны отдавали так много своего драгоценного времени для столь дружеской встречи. И это не для красного слова — в эти минуты я видел настоящую обостренность, какими мы понимали, как еще мало сделали для народа, как много работы впереди.

Никита Сергеевич говорил нам на этой встрече, что он любит русские, украинские народные песни, с удовольствием слушает хорошие советские песни по радио. Веселым оживлением, смехом, когда начинается музикальное «каркашье», то он выключает радио. Смех смехом, но ведь это музикальное «каркашье» кто-то создает, и то, что в шутку сказал Никита Сергеевич, мы, композиторы, воспринимаем всерьез. Мы должны вести жесткую и непримиримую борьбу с подобным «творчеством».

Никита Сергеевич говорил далее о том, что жить в нашей стране становится все лучше и сущущие радости жизни, оптимизма должно пронизывать творчество советского композитора и никогда его не покидать. Он привел пример с Шостаковичем, создавшим в трудные дни блокады Ленинграда свою 7-ю симфонию, полную веры в грядущую победу.

Кончилась встреча. Мне представляется, что она о многом должна напомнить и руководству Союза композиторов, и каждому из нас. Необходимо с большой активностью работать над созданием произведений для широкого слушателя, опираться на народное музыкальное творчество, писать больше веселых, запоминающихся мелодий, которые могли бы доставить радость и отдых советскому человеку.

Жить и творить для народа — это счастье и честь для композитора.

Анатолий ЛЕПИН,
композитор

На концерте

Фото М. Трахмана

Эдуардас МЕЖЕЛАИТИС

Г У Б Ы (ИЗ ЦИКЛА «ЧЕЛОВЕК»)

Губы — красном лентой,
Словно флаг, что разодран в бою,
— Это есть наш последний! —
Я с друзьями пою.
Эти губы не в силах
Жить без сладости лгов,
И соли морской,

И небес темно-синих,
И беседы мужской.

Губы ждут папирос,

Губы жаждут и мёда, и чаяо.

И на каждый проклятый вопрос

Я немедленно отвечаю.

Приоткрытые губы

Подобны гнезду.

И душа

В этой теме и глуби.

Выводят слова не спеша.

Если губы устали,

Если скаты они, — разожми,

Чтобы птичью стей.

Летели слова над людьми.

Чтобы каждое слово,

Словно птица, летало везде.

И душа чтобы снова

Выводила их в том же гнезде.

Временами с трибуны

С губ срываются, словно из туч,

Громы, молнии, бури,

Но грозы миновала.

И светится солнечный луч

Губы — радужной аркой —

На безоблачном небе лица,

И — счастливый и жаркий

Подсекут без конца!

Слышишт женщина, смышишт

То, что мы говорить ей должны.

Хотя слова эти тише

Самой тихой земной тишини.

Словно маки сливаются

И огнем занимается мак,

Губы в губы влизаются

Сочко-красные

в темных домах.

Утром — ясным и добрым —

Слышишн песни проснувшихся птиц,

И — веселый и бодрый —

Вместе с птицами

песню свистиши.

И походу ветра,

меж прочих ветро.

Повторяешь за ветром

Его песни без слов.

Тихо. Тихо.

Альмы и прохладными

К хлебу — жадными,

К радости — жадными

Губами.

Перевод с литовского
Борис СЛУЧКИН

ПЕРВЫЕ ВЫСТАПЛЕНИЯ

Почти десять лет назад в Москве состоялся показ в Кремле. Хорошо знакомый многим из нас Большой Кремлевский дворец. Нарядный, ослепительно сверкающий. Здесь собрались композиторы, музыканты, представители других творческих организаций. О чем говорим? О том, что так дорого каждому, о том сердечном внимании, которое уделяют нам, творческим работникам, Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство.

Первые из нас, увидевшие входящих в зал руководителей партии и правительства во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым, так громко захлопали в ладоши, что все оставшиеся на мгновенье застыли, а потом уже долго не могли остановиться.

Анатолий ЛЕПИН,

композитор

композиторов, с замечательным искусством танцов из ансамбля «Лезгинка», мастеров цирка.

В залах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина вчера открылась большая выставка книги и книжной графики.

Сегодня в Колонном зале Дома союзов под председательством Л. Соболева откроется литературная часть декады. В последующие дни дагестанские писатели встретятся с работниками завода «Компрессор», со студентами Московского университета, пионерами и школьниками, проведут цикл литературных вечеров.

В Союзе писателей РСФСР состоялся обсуждение произведений дагестанской литературы, в котором примут участие писатели столицы.

Вчера московские зрители впервые встретились с коллегами из Австралийского драматического театра имени Гамзата Цадасы и Кумыкского музыкально-драматического театра имени А. Салаватова, познакомились с симфоническими произведениями дагестанских

ЭТО стало чуть ли не традицией. Стоит произнести: «телевидение», и сразу же заходит речь о его недостатках. И надо признаться, что скрят здесь отнюдь не в особой придирчивости, недоброжелательности зрителей — причина в самом телевидении. Я не буду вновь повторять известный по многим статьям и выступлениям список телепросмотров и теленедостатков. Мне, немало поработавшему в родственной телевидению области — радио, хочется напомнить лишь об одном — о творческом поиске.

И радио, и телевидение есть одна опасная особенность: ежедневность программ порождает повторение. А повторы даже самого талантливого и интересного приема вызывают у слушателей и зрителей ощущение однобразия, скучи.

Во французском телевизионном журнале была помещена такая карикатура: перед столом директора программного отдела телевизионной компании стоит сотрудник. Директор говорит ему: — Компания награждает вас премией за то, что ваша передача выдержала двадцать повторений, и за это же компания уважает вас вышешей полной дальнейшей непривидности.

Комор этот лучше всех могут оценить телевидение.

Но юмор юмором, а ведь, пожалуй, самая насыщая и неотложная задача каждого, кто работает на нашем телевидении, — это непрерывный поиск новых приемов, форм. Но поиск не в одиночку, но кустарно. Мне кажется, что одной из серьезных причин подавляющего большинства неудач является то, что на телевидении до сих пор нет настоящего опыта. Нет изучения техники, какими же были ошибки, каким образом можно избежать их в будущем.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

Сейчас, когда на экранах телевидения появляются все новые и новые телевизионные программы, я считаю, что самое время обратить внимание на то, что же такое телевидение, каким оно может быть, каким оно может не быть.

11 апреля в городе Конакри откроется Вторая конференция солидарности народов Азии и Африки. Выбор времени и места весьма знаменателен. За период после Каирской конференции в жизни народов двух континентов и всего мира произошло много важных событий. Сложность миролюбивых сил проявляется не только в отпоре военным авантюрам колонизаторов. Она проявляется в борьбе народов Азии и Африки, связанных общностью судеб, за свое будущее.

Народы Азии и Африки играют активную роль в борьбе за предотвращение новой войны. Мир необходим и тем из них, кто уже вырвался из оков колониального рабства и ныне приступил к ликвидации своей экономической отсталости и тем, кто еще борется за свободу и независимость.

В последнее время в результате усилий Советского Союза и других миролюбивых народов в мире заметно потеплело. Борьба народов за всеобщее и полное разоружение, за прекращение ядерных испытаний и полное запрещение ядерного оружия, за мирное сосуществование вступила в новую фазу, ставшую перед всеми странами, в том числе и перед странами Азии и Африки, новые практические задачи. Этими задачами и проблемами искоренения колониализма и будет посвящена конференция, созываемая в столице Гвинейской Республики — Конакри.

О жизни Гвинеи — молодого независимого африканского государства — рассказывает поэт Евгений Долматовский.

Пусть дружба и братство связывают народы СССР и Гвинеи! Эти слова советские люди могут услышать (и даже увидеть) во всех гвинейских городах и селениях.

СТОЛИЦА Гвины Конакри — живописный город. На его зеленых улицах встречаются и многоэтажные дома. Но баобабы и сейбы ухитряются прикрыть своей тенью и десятые этажи. Деревья эти могучи — ствол в сплошных складках у основания не обойдешь и сделав шагов. С африканскими хижинами соседствуют двух-, трехэтажные виллы. Стены их раскрашены ярко, но ни одна краска не в силах соперничать с яркостью африканских цветов и растений.

Во дворе одной из таких вилл — удивительное зрелище: одна, как одной стоят каменные скульптуры бородатых и усатых реалистических мужчин. Это — памятники завоевателей, генерал-губернаторов. После провозглашения независимости эти памятники были сняты с постаментов и свезены в Институт исследований и документации, которым руководит французский учёный Каналь. Знаток Африки, он недавно приехал из Парижа, чтобы отдать свои знания гвинейским друзьям, строящим свою собственную государственность.

Я прохожу мимо дворца президента, мимо правительственные здания с открытыми окнами, где девушки в фантастически пестрых платьях стоят на «андервудах». К подъездам министерств подхватывают «паккарды», «москвики», «форльсверсаны». Озабоченные деятели молодого государства проходят в стеклянных дверях, приветливо обменявшись парой слов со стоящими на посту полицейским в белых щортиках:

— Как дела?

— Дела идут. Все хорошо...

Чудесные белозубые улыбки, делающие этот солнечный мир еще светлее...

Проездная часть улиц столицы африцирована, а то, что принято называть тротуаром, осталось в естественном виде — это красная африканская земля. Улицы чисто подметены и в районах государственных зданий и посольств, и в жилых кварталах.

Борьба с грязью — один из начальных декретов молодой республики. Не раз приходилось читать об африканской грязи. В этих писаниях западных «ориенталистов» немало клеветы. Колонизаторы выгодно было держать покоренный народ в грязи, да и ниша делала сию дело. Став хозяевами своей земли, гвинейцы занялись ее уборкой.

В первые месяцы после провозглашения Республики было запрещено фотографировать на улицах: туристы не должны увозить в Европу и Америку свидетельства нищеты, накопившиеся за многие десятилетия колониального владычества! Но сейчас, когда первая уборка в собственном доме произведена, фотографировать разрешено и в Конакри, и во всей стране. Хороший признак!

Улицы Конакри многоголубы. Идуши на встречу африканцу здороваемся с нами.

— Здравствуйте, месье.

— Здравствуйте, мадам, — отвечают мы, но постепенно начинаем чувствовать, что отвечаем невпопад. Есть другое, куда более близкое нам слово, и именно его ждут от нас здесь:

— Камарад! — И сразу — ответные взрывы радости.

Это слово — ключ к сердцам гвинейцев.

В ЖИЗНИ народов бывают периоды, когда особое значение приобретает государственно-национальная символика, когда она становится душевной необходимости для каждого гражданина, от малого до великого. Такой период переживает сейчас Гвинея. Красный — желтый — зеленый цвета национального флага как бы вспыхивают в себе жизнь и чары нации.

Ведь это абсолютно механическое соединение. Арбузовы не похожи на Розова, Розов не похож на Володина, Алешина — ни на того, ни на другого.

Несмотря на осуждение мировым общественным мнением разгула расправы в Южно-Африканском Союзе, правительство Фернанда не унимается. Массовые аресты и расстрелы мирного негритянского населения продолжаются.

ЗА ШИРОКИЙ ФРОНТ ТЕАТРА И ДРАМАТИУРГИИ

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

Напрасно главный режиссер одного из крупных столичных театров дедит наших драматургов на какие-то особые группы и подгруппы. Конечно, у каждого театрального деятеля могут быть свои симпатии и антипатии, но зачем же подразделять драматургов одного и другому и рассматривать их уже вкупе, как бы прикрывая одного драматура другим?

Так, цинично, по какому принципу В. Плучек сообщает о том, что он «с напряженным вниманием» присматривается к творчеству Арбузова, Розова, Л. Зорина, Володина, Алешина.

Ведь это абсолютно механическое соединение. Арбузовы не похожи на Розова, Розов не похож на Володина, Алешина — ни на того, ни на другого.

Я уже не говорю о Л. Зорине; он ни кого не похож.

В нашей практике каждый драматург является прежде всего самим собой. Ну попробуйте «Ирикскую историю» сравнить с пьесами Володина — «Фабричной девионкой» и с «Пятью вечерами». Что тут общего?

Хотел еще поговорить о этом малярном сыном свободной республики, но он свернулся сине-черными глазами, ульбнулся и побежал догонять ватагу сверстников.

Сколько высокой позиции в этих не подготавлившихся специально ответах простых людей на вопрос друга, впервые приехавшего в Африку!

Независимость — тема, к которой приходят гвинейцы в любом разговоре, по какому бы поводу ни возник.

Я уже не говорю о Л. Зорине; он ни кого не похож.

В нашей практике каждый драматург является прежде всего самим собой. Ну попробуйте «Ирикскую историю» сравнить с пьесами Володина — «Фабричной девионкой» и с «Пятью вечерами». Что тут общего?

Хотел еще поговорить о этом малярном сыном свободной республики, но он свернулся сине-черными глазами, ульбнулся и побежал догонять ватагу сверстников!

Разве можно ставить в один ряд Розова и Володина? В. Розов, после последовательно разрабатывавших морально-этические вопросы в своих пьесах показывающий становление характеров и душ молодых людей, видящий мир оптимистическим взглядом в поисках добрых сил человека над альмами нового над старым, — разве можно его пьесы сравнивать с произведениями А. Володина?

О Володине у нас принятого говорят: способный, талантливый... Я вновь хочу спорить с этими утверждениями: но хочу видеть у молодого драматурга правильный взгляд на нашу действительность, в ее современном, настящем звучании. Читая «Пять вечеров», я не мог отделаться от мысли, что драматург старается все время ударить нас за день вчерашний, что он сводит к намеченному счестью с нашим современным обществом, обществом, которое не может отвечать за частности уже давно прошедшие. Как же можно подавливать в одну грозу Розова и Володина? Это же разные писатели, по-разному смотрящие на мир, да и манера, стиль их письма разные.

Обычно бывает, когда вокруг талантливых и действительно разных драматургов, искривленных с большим уважением, им относящихся друг к другу, выходит мелкая комаринка, пытающаяся ужалить то одного, то другого драматурга. А как известно, даже комаринки укусывают бывает очень болезненны.

Сейчас «белый сверхчеловек» — хозяин положения, но надолго ли?

Рисунок художника Херты Бадерструп из датской газеты «Ланд ог Фольк»

ДМИТРИЙ ГУЛИА

7 апреля в Сухуми, после продолжительной болезни, на 87 году жизни скончался выдающийся советский писатель и учёный, народный поэт Абхазии, основоположник абхазской литературы Дмитрий Иосифович Гулиа.

Дмитрий Гулиа родился в 1874 году в селении Уарча в семье крестьянинов.

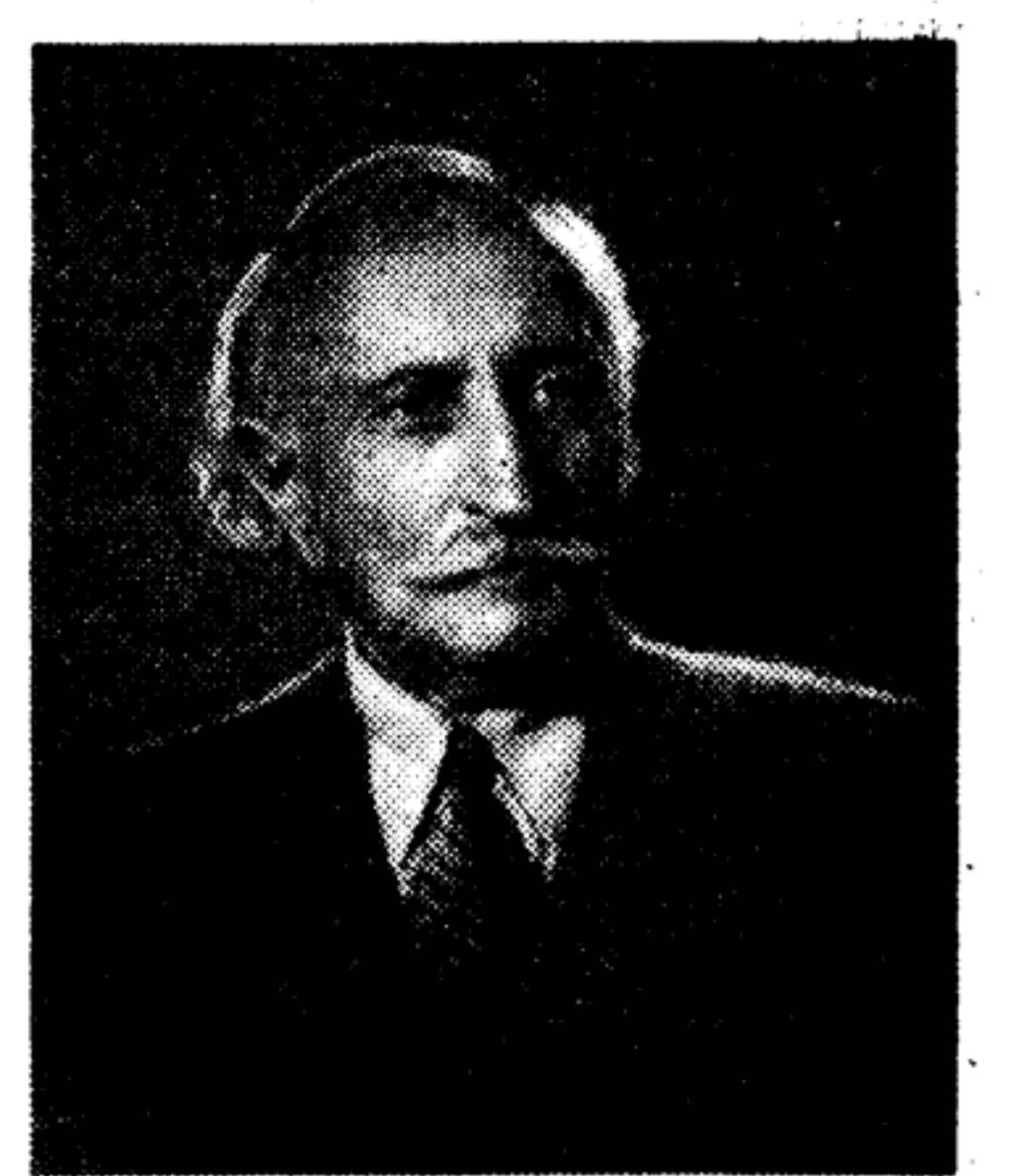
Он учился в сухумской двухклассной школе, а затем в занавацкой учительской семинарии в городе Гори. В течение многих лет Д. Гулиа работал педагогом; одновременно занимался творческой деятельностью. В 1910 году вышел первый сборник его стихов, в которых выражались чувства простых абхазских тружеников, звуки мотивы политического протеста. Созданию и развитию родной литературы Д. Гулиа отдал весь свой талант и знания, создав в течение более чем 60-летней литературной деятельности большое количество произведений самых различных жанров. Подлинного расцвета творчество Дмитрия Гулиа достигло при Советской власти. Его поэмы, стихи, пьесы, прозаические произведения получили широкое общественное признание.

Велики заслуги Дмитрия Гулиа в развитии культуры родного народа. Он был одним из создателей абхазской азбуки и алфавита. Д. Гулиа редактировал первую абхазскую газету. С его непосредственным участием был основан первый абхазский театр, для которого он писал пьесы.

Советское правительство высоко оценило заслуги Дмитрия Гулиа в развитии культуры родного народа. Он был одним из создателей абхазской азбуки и алфавита. Д. Гулиа редактировал первую абхазскую газету. С его непосредственным участием был основан первый абхазский театр, для которого он писал пьесы.

Память о выдающемся советском писателе, до последних дней служившем народу своим творчеством, наследует в наших сердцах.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИНСКОЙ ССР ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АБХАЗСКОЙ АССР

П О Э

Нас слышит целый мир! Мир понимает нас!

Простые люди нам везде всем сердцем внимают —

Все, кто у горнов трудится сеяць,

И пахарь, обрабатывая землю.

А в час, когда земля в ночной тиши лежит

И сонмы звезд горят над морем и над сущей,

Ты думаешь, что спит Москва?

Не спят! Со всей землею говорит! Послушай!

На девятом десятке лет Дмитрий Гулиа нашел свою человеческую, включенным в кипучую жизнь всей Советской страны. Он словно шагал вместе с молодежью. Он говорил:

Хотел бы ковшом-исполнением Воровать громады земли, Чтоб волksским великим плотинам Они основывали легли.

Хотел бы с геологом рядом Пройти Каракумы пешком С пылью национальным взглядом, С тяжелым заплечным мешком.

С таким пыльги нацеленным взглядом ушел от нас сребровласый великан, который считал, что сущность нашей позиции заключается в том, чтобы делать людей великанами — душой и телом.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

Редакционная коллегия, партбюро и местком редакции «Литературной газеты» выражают глубокое соболезнование члену редакционной коллегии газеты Георгию Дмитриевичу Гулиа по поводу кончины его отца, выдающегося советского писателя и ученого, народного поэта Абхазии.

Дмитрий Иосифович ГУЛИА

рых современных модниц? Примеры

можно приводить без конца.

Все это — узкие брючки, автоматы с газированной водой, все это — пиротехника и фейерверки. Но, как известно, после фейерверка иногда на головы зрителей падает копоть, а пиротехника просто иногда отказывает.

Может быть, я излишне долго задержалась на статье В. Плучека «Поставьте на ноги». Но, впрочем, я это из самых добрых намерений. Я не хочу обижать В. Плучека. Кстати, драматургии Горького оставил глубокий след не только в русском театре. Достаточно посмотреть пьесы некоторых драматургов Америки, Англии, Финляндии, для того чтобы увидеть могучее влияние драматургии Максима Горького. И без пиротехники, и без узких брючек!

Да, В. Плучек — поэт утра. В его стихах словно блестят слезы народного горя в прошлом и бесконечной радости народной сегодняшней. Д. Гулиа был поэтом глубокой мысли. Это было очень широкий поэт. Он видел и чувствовал мир, он видел и чувствовал народную Абхазию, свой народ соединенные незримыми нитями со всем миром.

Да, Д. Гулиа — поэт утра. В его стихах словно блестят слезы народного горя в прошлом и бесконечной радости народной сегодняшней. Д. Гулиа был поэтом глубокой мысли. Это было очень широкий поэт. Он видел и чувствовал народную Абхазию, свой народ соединенные незримыми нитями со всем миром.

Да, Д. Гулиа — поэт утра. В его стихах словно блестят слезы народного горя в прошлом и бесконечной радости народной сегодняшней. Д. Гулиа был поэтом глубокой мысли. Это было очень широкий поэт. Он видел и чувствовал народную Абхазию, свой народ соединенные незримыми нитями со всем миром.

Да, Д. Гулиа — поэт утра. В его стихах словно блестят слезы народного горя в прошлом и бесконечной радости народной сегодняшней. Д. Гулиа был поэтом глубокой мысли. Это было очень широкий поэт. Он видел и чувствовал народную Абхазию, свой народ соединенные незримыми нитями со всем миром.

Да, Д. Гулиа — поэт утра. В его стихах словно блестят слезы народного горя в прошлом и бесконечной радости народной сегодняшней. Д. Гулиа был поэтом глубокой мысли. Это было очень широкий поэт. Он видел и чувствовал народную Абхазию, свой народ соединенные незримыми нитями со всем миром.

Да, Д. Гулиа — поэт утра. В его стихах словно блестят слезы народного горя в прошлом и бесконечной радости народной сегодняшней. Д. Гулиа был поэтом глубокой мысли. Это было очень широкий поэт. Он видел и чувствовал народную Абхазию, свой народ соединенные незримыми нитями со всем миром.

Да, Д. Гулиа — поэт утра. В его стихах словно блестят слезы народного горя в прошлом и бесконечной радости народной сегодняшней. Д. Гулиа был поэтом глубокой мысли. Это было очень широкий поэт. Он видел и чувствовал народную Абхазию, свой народ соединенные незримыми нитями со всем миром.

Да, Д. Гулиа — поэт утра. В его стихах словно блестят слезы народного горя в прошлом и бесконечной радости народной сегодняшней. Д. Гулиа был поэтом глубокой мысли. Это было очень широкий поэт. Он видел и чувствовал народную Абхазию, свой народ соединенные незримыми нитями со всем миром.

Да, Д. Гулиа — поэт утра. В его стихах словно блестят слезы народ